

Дробышева Анастасия Владимировна**Drobysheva Anastasia Vladimirovna**

студент отделения «Философия»
факультета истории, социологии
и международных отношений
Кубанского государственного университета

B.Phil. student,
History, Social Science
and International Relations Department,
Kuban State University

**ФОРМООБРАЗОВАНИЕ
ПЕРЕВЕРНУТОГО МИРА
В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА»
Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ**

**GESTALT OF
INVERTED WORLD
IN G.W.F. HEGEL'S
PHENOMENOLOGY OF SPIRIT**

Аннотация:

В статье рассмотрен один из ключевых моментов развития рассудочного сознания в «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля – перевернутый мир. Перевернутый мир обозначает завершающий шаг в развитии рассудочного мышления и переход к следующему необходимому этапу – самосознанию.

Ключевые слова:

феноменология, Г.В.Ф. Гегель, перевернутый мир, рассудок, сверхчувственный мир, внутреннее, самосознание.

Summary:

The paper considers the inverted world, one of the key aspects for development of understanding in Hegel's Phenomenology of Spirit. The inverted world means the final step in development of understanding and transition to consciousness as the next necessary stage.

Keywords:

phenomenology, G.W.F. Hegel, inverted world, understanding, supersensible world, inner, self-consciousness.

Перевернутый мир – один из самых интересных и в то же время наиболее дискуссионных моментов рассудочного сознания, развитие которого представлено в гегелевской «Феноменологии духа». Это завершающий шаг в развитии рассудочного мышления, обозначающий собой начало перехода к следующей ступени феноменологического развития – самосознанию.

Перевернутый мир возникает в нашем опыте, когда мы безуспешно пытаемся соединить установленные, но невидимые законы явления с нашим собственным опытом явлений. По Г.В.Ф. Гегелю, именно в диалектических результатах этой безуспешности мы обнаруживаем феноменологические истоки самосознания.

Мир наизнанку – результат движения рассудка от осознания вещей и законов к обнаружению самого себя в этом осознании. Переворот происходит, когда сознание видит в мире противоречия и свободно противоречит как миру, так и себе. Гегель в своей «Логике» объясняет, что обыденное сознание относится к противоречию как к проблеме: «Происходит ли оно в действительности или во время рефлексии и размышления, оно обычно воспринимается как случайность, как некое отклонение от нормы или как проходящий приступ болезни» [1, с. 321]. Истина противоречия, возражает он, состоит в том, что оно является «принципом всякого самодвижения»: «Внешнее, чувственное движение само по себе есть непосредственное существование противоречия. Что-то движется не потому, что в какой-то момент оно здесь, а в другой – там, а потому, что в один и тот же момент оно и здесь, и не здесь, потому что в этом “здесь” оно одновременно и присутствует, и отсутствует» [2].

Перевернутый мир – нечто весьма необычное в развертывании рассудочного сознания. Эта поэтическая метафора вводится Гегелем с целью показать ограниченность, недостаточность рассудочного мышления.

М. Грин пишет: «В гегелевской диалектике появление инверсии обозначает собой необходимый этап в феноменологическом пути духа по разрешению противоположности между субъектом и объектом, “для нас” и “в себе”, мыслью и бытием» [3, р. 162].

Мир наизнанку символизирует собой состояние некой свободы от феноменального мира, чего ранее сознание, как мы помним, не достигало. В перевернутом мире все наоборот: законы, пропорции противоположны тому, что мы различаем в мире чувственности. То, что в первом мире благо, во втором – зло, что в первом темное, во втором – светлое. Мир наизнанку – это видение идей в их свободной от чувственного мира природе.

Гегель пишет: «Первое сверхчувственное, покоящееся царство законов, непосредственное отображение воспринимаемого мира обращается в свою противоположность; закон был вообще тем, что остается себе самому равным, точно так же, как и его различия; но теперь... и то и другое составляют противоположность самому себе» [4, с. 93].

Так, можно привести яркий пример из области литературы, проанализированный английским исследователем Дженнифер Бейтс в ее статье [5]. В «Антонии и Клеопатре» У. Шекспира в разгар битвы при Акции в 31 г. до н. э., в которой решалась судьба Римской державы, Клеопатра бежит с места сражения. В результате этого Октавиан одержал решающую победу над Антонием и Клеопатрой в борьбе за власть. Согласно естественному закону первого мира ее поступок рассценивается как преступление, предательство. Однако в перевернутом мире ее бегство рассматривается уже как нравственная победа. Антоний после первой вспышки гнева соглашается:

«Не плачь. Твоя единая слеза
Дороже всех побед и поражений.
Один твой поцелуй – и квиты мы,
Любимая. Вернулся ли посланец,
Учитель наш придворный? Тело все
Как будто налитое свинцом. Вина мне!
Обедать подавайте! Нет, судьба
Ударами не обратит в раба!» [6, с. 1180].

Как можно увидеть, могущество, которое лежит в основе инверсий, является противоречием. Именно в этом Клеопатра и Антоний находят свою свободу.

Другой пример дает история различных народов. Так, для родового строя была характерна кровная месть за убийство. Родственники убитого обязаны были отомстить убийце. Мечь является наивысшим удовлетворением – так происходит согласно непосредственному, естественному закону первого мира. Однако христианская традиция подразумевает прощение своего врага, месть в христианстве отрицается (Новый Завет гласит: «Ударят по одной щеке, подставь другую»). Происходит переворот, естественный закон первого сверхчувственного мира переходит в свою противоположность: изначально полагаемая месть превращается в самоуничтожение, грех во втором, перевернутом мире.

Еще один не менее яркий пример: смерть человека принято воспринимать как горе, скорбь – это естественная реакция. Однако отношение к смерти изменилось с приходом христианства. В христианстве понимание смысла жизни, смерти и бессмертия исходит из ветхозаветного положения: «День смерти лучше дня рождения» и новозаветной заповеди Христа: «...Имею ключи ада и смерти». Опять-таки наблюдаем переворот: непосредственный закон переходит в противоположный, смерть воспринимается не как извечное наказание, а как благо.

Однако необходимо понять, что перевернутый мир и первый, сверхчувственный мир – это не только противоположности. Один мир вытекает из другого. Первый мир был закулисным объяснением явления, а второй образован «необъяснимыми» перевернутыми мирами, которые родились из противоречивого движения.

«Гегель возражает против того, чтобы считать мир наизнанку сущностью первого сверхчувственного мира, который якобы есть некоторое его явление», – пишет В.И. Коротких [7, с. 75]. В противном случае картина была бы следующая: убийство, которое в явлении есть преступление, во «внутреннем», или «в себе», есть благой поступок; наказание за преступление было бы также наказанием лишь в явлении, а во «внутреннем» – милостью для лица, совершившего преступление. Такое толкование сущности перевернутого мира, конечно же, превратно. В действительности дело обстоит следующим образом: в перевернутом мире, или в себе, преступление – это возможность в намерении вообще, а не в благом, поскольку истиной намерения является только сам поступок. Преступление же имеет своей рефлексией в себя действительное наказание, поскольку в последнем закон примиряется с действительностью, противоположной ему в преступлении. Само же действительное наказание содержит свою перевернутость в себе самом. Из этого следует, что наказание – это такое осуществление закона, при помощи которого деятельность закона как его проявление снимает саму себя. Таким образом, закон возвращается в себя и сохраняет значение закона.

Для естественного сознания любое отношение между внутренним и внешним воспринимается лишь как соотношение двух противоположных сторон, где каждая сохраняет свою определенную фиксированность. Однако необходимо уяснить, что строгого различия между внутренним и внешним, явлением и сущностью, в себе бытием и бытием для иного уже не существует. Двух независимых друг от друга субстанций, которые содержат в себе отталкиваемые различия, здесь нет.

Перевернутый мир – это не абсолютный разрыв с первым миром, это закономерность наизнанку, переворачивание обыденного. Т. Рокмор пишет: «Второй сверхчувственный мир – это изнанка самого себя» [8, с. 92].

Инверсия царства покоящихся законов с необходимостью содержит в себе сверхчувственный мир – лишь таким образом он есть различие именно как внутреннее различие, есть в качестве бесконечности. Гегель пишет: «Сверхчувственный мир, который есть мир наизнанку, в то же время взял

верх над другим миром, и последний имеет его в самом себе; он для себя есть мир наизнанку, т. е. обратный себе самому; он есть сам этот мир и ему противоположный мир в одном единстве» [9].

Мир наизнанку не отрицает феноменального, но выражает свободу от него. Эта свобода в любой момент может перевернуться снова, воспроизведя таким образом копию поля силы, но уже в области «внутреннего». Ценность перевернутого мира состоит в том, что посредством него завершается определенность сферы закона и, следовательно, сферы рассудка.

Перевернутый мир наглядно показывает, как и насколько закон отличается от силы и игры сил: в законе есть свобода от явления, которая проявляется в возможности легкого переворачивания. Так, «внутреннее», которое изначально было пустотой, чистым «ничто», абстракцией, теперь заполнено различной в самой себе бесконечностью. Бесконечность «внутреннего» есть то, что пронизывает конечность феноменального мира с его игрой сил. Это действительная бесконечность жизни духа. Движение, которое прежде в форме «объяснения жило в рассудке, перенесено теперь в предмет.

Е.С. Линьков пишет: «Сознание теперь с необходимостью узнает в содержании предмета себя самого. А значит, противоположность сознания и предмета, объективного мира и отражающего сознания исчезли. И природа законов внешнего мира есть та же, что и закона мира мышления» [10, с. 67].

Так, рассудок во «внутреннем» узнал самого себя, «внутреннее» самого себя – это в свою очередь уже и есть переход к самосознанию. «Выясняется, что за так называемым занавесом, который должен скрывать “внутреннее”, нечего видеть, если мы сами не зайдём за него, как для того, чтобы тем самым было видно, так и для того, чтобы там было что-нибудь, на что можно было бы смотреть» [11, с. 102].

Итак, через определенность закона внешнего мира рассудочное сознание пришло к познанию начала законов себя.

Таким образом, достигнутая сознанием тотальность есть бесконечность потому, что она есть безусловно всеобщее, завершившее свое движение в качестве понятия; то, что безусловно всеобщим образом, свободно, абсолютно свободно. Это и есть знающий свою внутреннюю необходимость рассудок. Однако рассудок есть это сознание, лишь зная самого себя. Следовательно, здесь перед нами раскрывается самосознание.

Ссылки:

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. 440 с.
2. Там же. С. 321.
3. Greene M. Hegel's notion of inversion // *International Journal for Philosophy of Religion*. 1970. No. 1 (3). P. 161–175.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. Г.Г. Шпета. М., 2014. 494 с.
5. Bates J. Hegel's inverted world, Cleopatra, and the logic of the crocodile // *Criticism*. 2012. Vol. 54, no. 3. Summer. P. 427–443.
6. Шекспир У. Полное собрание трагедий в одном томе. М., 2011. 1280 с.
7. Коротких В.И. «Феноменология духа» и проблема структуры системы философии в творчестве Гегеля. М., 2011. 383 с.
8. Рокмор Т. Феноменология духа Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С. 92.
9. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа.
10. Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012. Т. 1. 494 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. С. 102.